

Федоров А.В. Россия и США

Есть ли шансы на реальное взаимопонимание?

Тезисы

1. С политическими изменениями, произошедшими как в России, так и в США за последнее время, обе страны во многом поменяли не только внешнюю сторону двусторонних отношений, но и, что более существенно, и внутреннее содержание, каждая по-своему **сократив до минимума число "полей взаимодействия"**.

Причем, на мой взгляд, изменений в политике американской стороны больше, и эти изменения носят существенный характер, все больше облекаясь в достаточно оформленную политическую линию. *Россия и США сегодня в целом в своих отношениях оказались в уникальной ситуации: и не противники, и не союзники, и не партнеры.*

2. Во многом, думается, каждая из сторон оказалась не готова к этой ситуации, а потому выход из создавшегося положения не будет слишком простым и легким: в новой обстановке будет очень сложно определить некую универсальную формулу, в которую могут укладываться российско-американские отношения.

То, что происходит сегодня между нашими странами, и есть попытка начала выработки этой формулы, которая, в идеале, должна стать устойчивой, по крайней мере, на ближайшие пять-семь лет.

3. Во всяком случае, для анализа сегодняшнего состояния и будущего российско-американских отношений исходной точкой все же, думается, нужно взять термин **"неопределенность"**.

Именно он, а не термин "кризис", на мой взгляд, гораздо больше отвечает текущему моменту, так как объективно позиции каждой из сторон не определены и многое негативное, что имеет место в отношениях между Россией и США, происходит именно из того, что не выработана новая стратегия. Старая же уже не работает, ибо базировалась на качественно иных принципах оценки ситуации и в России, и в мире в целом. Эра романтизма и веры в возможность совместных действий, видимо, окончательно завершена именно с приходом Дж. Буша, имеющего качественно иные базовые оценки России.

4. Если оценивать основные элементы подхода **с американской стороны**, то их можно выстроить примерно следующим образом:

а. Россия перестала играть роль мировой державы окончательно и ее влияние на международную политику не может быть сколь либо серьезным препятствием для США при проведении своей глобальной внешнеполитической линии. Ядерный фактор все больше утрачивает свое значение, а возможности России сохранять его как наиболее весомый аргумент внешней политики сходят на "нет". Решение вопросов региональной безопасности (Балканы, Ближний Восток) в основном находится вне сферы реального влияния России.

б. Возврат России к своему историческому прошлому уже окончательно невозможен, выбор в сторону демократии в принципе (с определенными оговорками) сделан, поэтому внутривнутриполитический аспект развития России имеет для США теперь второстепенное значение и не требует прямого вмешательства. По отдельным позициям (в частности свобода слова) США располагают достаточно эффективными механизмами "коррекции".

в. Россия не располагает ни серьезными политическими, ни экономическими аргументами против расширения НАТО и укрепления на этой основе системы европейской и глобальной безопасности. Она не располагает ни финансовыми, ни практическими ресурсами для того, чтобы выстроить политику блокирования идеи создания новой ПРО США.

г. Перспективы экономического развития России будут по-прежнему определяться Западом, начиная от динамики цен на нефть и кончая вопросами вступления России в ВТО. Экономическое развитие России в целом не оказывает сколь либо значимого влияния на мировую экономику, прежде всего на финансовые рынки.

Таким образом, есть определенные основания говорить о том, что *Россия окончательно утрачивает приоритетный статус (по сравнению с предыдущими десятилетиями) для США и в своей внешней политике на ближайшие годы российский фактор будет всего лишь "сопутствующим"* при решении тех или иных проблем, которые США определяют для себя как наиболее важные.

Кроме того, следует отметить и то, что в отношении России в новой американской администрации существует, на мой взгляд, *стратегическое взаимопонимание между ключевыми политическими фигурами (Райс, Пауэлл, Рамсфельд), равно как и взаимопонимание с Конгрессом и Сенатом США*. Совершенно очевидно, что это качественно новая ситуация, которая дает возможности администрации действовать в отношении России достаточно последовательно и жестко.

К этому следует добавить и то, что *американская сторона явно не видит необходимости в воссоздании постоянно действующего механизма взаимодействия*, каким, при всех оговорках, была комиссия "Гор-Черномырдин".

5. **С российской стороны** ситуация несколько иная, поскольку практически на всех направлениях нашей внешней политики, а также экономической деятельности мы с неизбежностью сталкиваемся с США или прямо, или в рамках тех или иных международных организаций. Россия просто не может представить себе "мир без США".

6. Вся политика "треугольников", "стратегических альянсов", о которых столь много говорилось в последние годы, объективно направлена на то, что сделать, видимо, практически невозможно – остановить процесс окончательного превращения США в единственную реальную сверхдержаву как с военно-политической, так и с технологической точек зрения.

7. По всей видимости, важным элементом в осознании новых реалий российско-американских отношений является то, что *эти отношения перестали быть особо значимыми для большинства государств мира*. Для многих европейских и неевропейских стран за последние два-три года стало окончательно ясно, что не эти отношения будут определять важнейшие тенденции мирового развития на перспективу, что они все больше как политически, так и психологически, уходят на второй, если даже не на третий план.

Характерно, что отсутствие на протяжении последних месяцев прямого личного диалога между руководителями России и США не вызывает какой либо озабоченности у лидеров различных государств и это состояние воспринимается сегодня как достаточно объективное.

Ибо в рамках "мира вне России" вне зависимости от состояния российско-американского диалога идет достаточно интенсивный политический процесс и диалог, где происходит не виртуальное, а реальное решение проблем.

8. Главная проблема сегодняшнего дня – формирование повестки дня российско-американских отношений. Причем не просто повестки дня, а **позитивной повестки дня**, которая сможет дать реальную возможность для конструктивного взаимодействия на достаточно устойчивой основе.

Особого оптимизма в этом плане российская сторона ощущать не должна.

Реалистический анализ ситуации показывает, что основными пунктами позитивной повестки дня могут быть следующие:

а. Контроль за нераспространением ядерного оружия и ракетных технологий, утилизация ядерного и химического оружия на территории Российской Федерации.

б. Участие в урегулировании ряда региональных конфликтов (Балканы, Ближний Восток), отдельных проблем (ситуация в Афганистане).

- в. Взаимодействие в аэрокосмической области, отдельные проекты в нефтегазовой сфере и в сфере коммуникаций.
- г. Взаимодействие по вопросам участия России во Всемирной торговой организации, по деятельности международных финансовых организаций (МВФ, Всемирный банк).
- д. Взаимодействие (ограниченное) по вопросам борьбы с международным терроризмом.
- е. Отдельные (незначительные) экономические проекты, связанные с инвестициями в Россию.
- ж. Отдельные экологические проекты.

Для работы по каждому из этих направлений есть как уже действующие механизмы, так и возможность создания новых (но только на рабочем уровне). Эта повестка дня может получить поддержку со стороны наших основных европейских партнеров, а также соседей по СНГ.

Что же касается **негативной повестки дня**, то она достаточно определена и понятна обеим сторонам:

- а. Выход США из Договора 1972 года, начало развертывания новой системы ПРО.
- б. Расширение НАТО, прежде всего за счет включения в состав альянса государств Прибалтики.
- в. Сотрудничество России с Ираном, Ираком, Ливией и Северной Кореей.
- г. Сближение России с Китаем, прежде всего в военно-технической сфере.
- д. Чечня.
- е. Свобода слова в России.
- ж. Будущее постсоветского пространства.

9. То есть необходимо четко понимать, что на настоящее время существует своего рода относительный баланс между "позитивом" и "негативом" и до конца так и не ясно, как будут развиваться события в будущем, так как по своему политическому весу и содержательности "негативная" повестка дня, безусловно, пока что весомее.

Во многом реальный баланс будет определен, на мой взгляд, характером личных взаимоотношений между президентами России и США, тем, насколько каждый из них сможет четко сформулировать принципы подходов сторон к каждому из пунктов повестки дня и проявить готовность подкрепить эти принципы соответствующими механизмами.

10. У России, думается, ситуация в этом плане сложнее. *Степень "давления" на позицию США сегодня минимальна. Возможности найти союзников в плане отстаивания своих позиций (причем весомых, значимых для США), также невелики. Прямое противостояние, даже словесное, просто бесперспективно.* Остается, видимо, только схема **"ограниченного диалога"**, которая позволит, по крайней мере, избежать конфронтационных подходов. Нужен политический реализм, базирующийся на понимании того, что отстаивание национальных интересов России в новой обстановке гораздо сложнее, чем это было даже год назад.

То есть у России должна быть внутренняя готовность, по крайней мере, не отвергать с порога американскую точку зрения, а нужно пытаться выделить в ней хотя бы какой-то позитив для возможного формирования платформы для обмена мнениями. В какой-то степени это сейчас уже проявилось в вопросе по ПРО. Однако следует иметь в виду, что во многом действия новой американской администрации в отношении России будут развиваться по схеме "готовы выслушивать, но не обсуждать".

Думается, что одной из стратегических задач американской администрации в этом контексте будет *вовлечь Россию в проведение официальных переговоров* (в первую очередь, по ПРО и расширению НАТО), что, на мой взгляд, практически закроет нам возможность действовать более-менее самостоятельно и хотя бы относительно эффективно по данным проблемам.

11. Безусловно, очень многое будет зависеть от того, *каким образом Россия на фоне нынешних взаимоотношений с США будет выстраивать свои взаимоотношения с другими странами.*

Совершенно очевидно, что сближение с **Европой**, как политическое, так и экономическое, не сможет по вполне объективным причинам изменить характер отношений между Европой и США. Степень свободы принятия тех или иных решений со стороны Европы сейчас повышается, особенно в экономической сфере, но в геополитическом смысле в основном все остается по-старому.

Максимально, чего можно добиться на этом направлении, чтобы Европа в какой-то степени сдерживала радикализм в американской внешней политике (ПРО как возможная тема) и выступала бы сторонником "неизоляции" России практически при любом стечении обстоятельств (даже в том случае, если между Россией и США возникнет конфронтационный вариант отношений).

Россия может находить более высокий уровень совпадения позиций с отдельными европейскими государствами (Франция, ФРГ), но говорить о возможности совместной позиции России и ЕС против США просто нереально.

С другой стороны, демонстративное усиление процесса сближения России с **Китаем** неизбежно будет вызывать негативную американскую реакцию, ибо сегодня достаточно очевидно, что именно Китай начинает занимать место СССР как главной угрозы для США. Проблема в том, что сближаться с Китаем на "неантиамериканской" основе практически невозможно. Во многом это относится и к сотрудничеству с Ираном, Ираком и Ливией.

12. Еще одна проблема. **Антиамериканизм** в Советском Союзе и России был всегда. Он мог поддерживаться государственной идеологической машиной, а мог быть стихийной реакцией на происходящее в мире, а мог и быть сочетанием (ситуация в Югославии).

Главной движущей силой антиамериканизма был и остается (пусть даже публично не высказываемый в последнее время) тезис о том, что нужно "догнать и перегнать Америку" как главного соперника. Сейчас он подкрепляется еще и тезисом об отстаивании национальных интересов в жесткой форме, о том, что жесткий курс России позволит "поставить Америку на место", или "сделать Европу вместе с нами более независимой от американцев".

Проблема одна – нужно четко понять, где проходит сегодня линия водораздела между "бытовым" и "государственным" антиамериканизмом.

Именно негативное развитие отношений с США может привести к тому, что в стране усилятся позиции "изоляционистов", что в конечном счете может оказаться губительным для России.

13. Что делать в целом в создавшейся ситуации?

Во-первых, не делать трагедии из нынешнего состояния российско-американских отношений, рассматривая этот этап как своего рода промежуточный. Но и не возлагать все надежды на личную встречу президентов двух стран.

Во-вторых, использовать все возможности для диалога с американскими партнерами – от высшего уровня до уровня экспертов неправительственных организаций. Нужно накопление определенного объема информации каждой из сторон с целью принятия правильных решений.

В-третьих, более четко определиться, что нам делать с "негативной" повесткой дня. То есть, какова степень нашего политического желания увидеть в ней возможности выхода на позитив.

В-четвертых, определить своего рода "рубежи", которые мы будем последовательно отстаивать и позиции, которые отстаивать нет смысла ни с точки зрения международных отношений, ни с точки зрения двустороннего диалога.

В-пятых, иметь четкое видение шагов, по крайней мере, на ближайшую перспективу по наиболее существенным проблемам – ПРО и расширение НАТО. Невнятность российской позиции будет однозначно восприниматься как слабость.

В-шестых, сформировать достаточно общую линию действий в рамках политической элиты России (исполнительная власть, законодательная власть, СМИ). Нет ничего хуже, если мы погрязнем во внутренних разборках в отношении вопросов взаимоотношений с США.

В-седьмых, все же принимать во внимание "американский фактор" в выстраивании взаимоотношений России с рядом стран, прежде всего с Китаем. Нам нельзя стать своего рода "заложниками" этих взаимоотношений.

В-восьмых, определить реальные возможности (кадровые, организационные, финансовые и т.д.) работы на американском направлении (как в двустороннем плане, так и в системе международных организаций).

В-девятых, выстроить разумную информационную политику на американском направлении, построенную, прежде всего, на принципе "упреждения".

Выступление на заседании Круглого стола "Экспертиза"

Первое, с моей точки зрения, принципиально важное изменение ситуации заключается в том, что Америка сознательно перестает играть сколь либо серьезную роль во внутренней жизни России.

Для нас это в какой-то степени плюс, что несколько разгружает нашу внутреннюю жизнь и в какой-то степени облегчает российско-американские отношения. Многие проблемы, которые у нас были в период пребывания Клинтона у власти, были связаны с тем, что внутриполитический фактор был очень весомый, он давил, у нас были неоднократные конфликты на этой почве, недопонимание. Сейчас это уходит.

Вместе с тем, я не хотел бы думать о том, что Америка, условно говоря, полностью забыла, что происходит внутри России. Этого не будет. По крайней мере на сегодняшний день из тех общений, которые у нас со Славой были в Вашингтоне, и из других общений с американской новой администрацией, совершенно ясно, что две проблемы мы будем иметь и дальше. Это проблема Чечни и проблема свободы прессы. Это две проблемы из внутреннего набора, которые не удастся обойти. К этому, наверное, нужно отнестись достаточно спокойно, с одной стороны. И с другой стороны, все-таки понимать, что нужно не просто что-то говорить, а нужно выработать какую-то линию, причем эта линия должна быть достаточно универсальной и в отношениях с Соединенными Штатами, и с другими западными странами.

Что касается наших взаимоотношений на международной арене. Мне кажется, что то согласие Буша на встречу, которое было дано, – это проявление нового типа реализма в американской администрации. То есть понимание того, что худо ли бедно, но с Россией действительно нужно работать. Когда я был в марте в Вашингтоне, тезис со стороны представителя администрации Кондолизы Райс был такой: "Мы с вами будем общаться". Сейчас, по-моему, он начинает меняться на термин "Мы с вами будем работать". Считаю, что это важно.

На сегодняшний день нужно четко понять, где у нас есть поля работы, а где у нас есть поля разногласий, и четко выстроить линию по каждому из этих полей. Например, нераспространение ядерного оружия, ракетные технологии и прочее.

Абсолютно ясно, что это – поле сотрудничества. Вместе с тем на данный момент, допустим, Ирак остается полем разногласий. То есть нужно четко сказать американцам, что мы действительно будем делить повестку дня. Потому что тотальной, позитивной повестки дня во взаимоотношениях с США сегодня не будет. Сейчас совершенно ясно, что нужно честно сказать: делим повестку дня. Не может быть идеальной позитивной повестки дня в российско-американских отношениях. Давайте четко поймем.

Мне кажется, что в контексте предстоящей встречи в Любляне с нашей стороны не нужно питать иллюзий о том, что мы можем выйти целиком на позитивную повестку дня, и соответственно, не делать трагедии из того, что будут у нас действительно пункты открытых разногласий. Не надо бояться пунктов открытых разногласий, особенно с американской администрацией. Слава очень четко описал природу этой администрации. Это та, условно говоря, администрация, с которой открытые разногласия будут носить естественный характер. И из этого не надо делать трагедию.

Еще один момент, на который мне хотелось бы обратить внимание. Я не согласен с Виктором Кувалдиным. Я считаю, что Америка сейчас готовится к качественно новому экономическому и технологическому прорыву, в основе которого будет работа над ПРО. Мне неоднократно говорилось в Вашингтоне, что "ПРО для нас – это не проблема безопасности, это проблема качественно новой американской экономики. Другого ускорителя у американской экономики сегодня нет и не будет". Соответственно, мы вынуждены понимать и эту логику американцев и возможно в какой-то степени учитывать это в наших контактах с ними, в дискуссиях и т.д.

То есть мы не должны видеть в российско-американских отношениях, с моей точки зрения, что ПРО – это источник зла и только источник зла. Гораздо все сложнее, гораздо все комплекснее. Гораздо сложнее, кстати, и для нас. Я разделяю точку зрения некоторых моих друзей и коллег и считаю, что в вопросе ПРО мы в какой-то степени заложники Китая. На самом деле проблема ПРО – это проблема для Китая, а не для нас. Конечно, для нас тоже.

Горбачев М.С. По крайней мере, не для изгоев.

Федоров А.В. Да, не для изгоев. Хотя у меня исторически давние связи с Северной Кореей. (Я отвлекаюсь от текста). В 1951-52 годах мой отец в чине капитана китайской народной армии воевал на известных параллелях. С тех пор я бываю в Северной Корее. Я хочу сказать, что Северная Корея, с точки зрения мозгов и технологий, может через 5-7 лет выйти на очень хороший уровень именно в ракетостроении. Этого нельзя не учитывать. Поэтому нам нужно форсировать объединение Кореи, чтобы этого не случилось.

Еще один момент в российско-американских отношениях. Мы должны отдавать себе отчет, что экономический элемент российско-американских отношений в ближайшее время выпадет полностью. Торговать нечем, совместные проекты – минимальные – у нас только в аэрокосмической сфере. Все остальное выпадает.

К этому, с моей точки зрения, надо отнестись спокойно. Ну, нет торговли. Может быть, придет время.

Считаю также, что не нужно переоценивать значение американских инвестиций в российскую экономику. Я не думаю, что это будут инвестиции, которые определяют судьбу российской экономики. Здесь я со Славой немножко не согласен. Я считаю, что это, может быть, один из элементов экономического развития России, но отнюдь не ключевой. Деньги пойдут не из США в российскую экономику, если они вообще пойдут.

Следующий момент. Я думаю, что НАТО в отличие от ПРО будет в большей степени банановой коркой, на которой мы можем поскользнуться. Потому что, если по ПРО все еще подвешено, никто не знает, что это такое, будет она или не будет, то НАТО – это, если следовать марксистской теории, реальность, данная нам в ощущениях. НАТО существует. От этой проблемы мы не уйдем. Если в отношении ПРО мы можем предлагать любые варианты, вести 5-7 лет переговоры на уровне консультантов, собирать бесконечные экспертные конференции, то в плане НАТО у нас шансы, как говорится, минимальные.

И вообще я хотел бы предложить подумать всем коллективно над такой темой, какие у нас в российско-американских отношениях есть поля или зоны наступления. И еще более важно подумать, где у нас по ключевым вопросам граница отступления. Я уверен, что по ключевым вопросам нам надо больше думать о границах отступления – разумного,

цивилизованного отступления, нежели о пути шапкозакидательства и т.д. и т.п. Я совершенно согласен со Славой в том, что крайнюю опасность может представить официальный антиамериканизм. Если мы возьмем курс на конфронтацию с Америкой, это приведет к очень серьезным не только внешнеполитическим, но и внутривнутриполитическим проблемам. Этот курс бесперспективен.

Давайте подумаем, если отступать, то как и где, и чтобы это было организовано.

Еще один момент, который хотелось бы отметить. Нам нужно, наверное, совершенно четко отказаться от того, чтобы делать ставку на личные связи в российско-американских отношениях не только потому, что Буш — это не Клинтон, но и потому что, с моей точки зрения, большинство решений с американской стороны будет приниматься, условно говоря, вне Буша — в его команде. Сам он будет меньше принимать личных решений. Будет в личном плане меньше готов на какие-то шаги по сравнению с Клинтоном.

В этой связи, Михаил Сергеевич, интересный вопрос, связанный с предстоящей встречей в Любляне. Чего мы хотим? — Хотим мы от этого Рейкьявика? Хотим от этого Мальты? Или хотим от этого, условно говоря, Венской встречи Хрущева с Кеннеди? Чего мы хотим? — Восстановить российско-американские отношения? Но мы пока не считаем их разрушенными. Хотим их улучшить? Или мы хотим прорыва? Пока, с моей точки зрения — может быть, я ошибаюсь — нет четкого понимания того, каким образом, на что мы можем выйти. Или мы просто говорим, что это — знакомство, и на этом кончаем всю дискуссию. Тогда это совершенно другой формат встречи, подход и т.д. То есть вопрос очень простой. Каков содержательный элемент российско-американского диалога в ближайшие три месяца? Я имею в виду Люблянину и потом Геную. Это — ключевой вопрос, содержательная сторона.

Или мы пойдем по пути, который нам предлагают американцы. Это путь консультаций, обмена мнениями, но не продвижения вперед. Этот путь приятен, радостен, но он бесконечен. И не в нашу пользу. Потому что время будет уходить. И наше время для маневров будет сужаться.

И последнее. Я думаю, что нам нужно признать тот факт, что Америка действительно сейчас является сверхдержавой, и строить политику в отношении США именно из этого обстоятельства. Оспаривать сверхдержавность Америки нам будет стоить дороже, чем признание.